

Катя Чистякова

ТАМ, НА ПЕРИМЕТРЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П185

Чистякова, Катя

П185 «Там, на периметре» / Катя Чистякова. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 192 с. — (Там, на периметре).

ISBN 978-5-17-119612-7

Перед вами удивительный по форме и содержанию роман, редкий для современной русской литературы. Это проза, написанная на стыке лиризма, документа и социальной проблематики. Психологизм здесь переплетается с литературой факта, а бескомпромиссная жесткость изображаемых событий местами спорит с самой идеей художественной литературы. Причудливые межжанровые игры делают эту книгу обязательной к прочтению всеми, кто интересуется новейшей прозой, не боится погружения в самые табуированные темы и готов переступить через собственные установки, чтобы понять опыт другого.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Художественно-документальная публицистика

Катя Чистякова
«ТАМ, НА ПЕРИМЕТРЕ»

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Подписано в печать 20.12.2019. Формат 60х90/16 Усл.печ.л.12

Тираж 1500 экз. Зак. №

Руководитель проекта *Илья Данишевский*. Ответственный редактор *Виктория Гендлина*
Компьютерная верстка *Анны Грених*. Дизайн обложки *Дмитрий Агапонов*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008): — 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2019 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 705. пом. 1, 7 этаж
Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қаласы, Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылым, 705-бөлме, I-жай, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике
Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-119612-7

© Катя Чистякова, текст
© Дмитрий Агапонов, дизайн обложки
© ООО «Издательство АСТ»

Перед вами очень честная и нужная книга. Пусть вас не обманет грубость ее живого языка и местами пугающая откровенность — это чуткое, даже нежное высказывание на одну из самых сложных для обсуждений тем.

В профессиональной благотворительности все хорошо знают — трудно найти такую «непопулярную» среди людей проблему, как помощь бездомным. Неудивительно! Бездомные неприглядно выглядят, часто имеют вредные привычки, плохо пахнут, в общем, всем своим видом говорят: мы не такие, как вы.

3

Но все-таки за этой обобщенной маской бездомности скрываются люди с чрезвычайно разными судьбами. По счастью, в последнее время медиа и социальные организации уделяют много внимания разговору о том, что люди на улице очень разные. В первую очередь эта книга о простой мысли, что «бездомные — это прежде всего люди». Но вместо прекраснодушных общих рассуждений книга «Там, на периметре» раскрывает эту мысль через личную историю двух людей.

Две сюжетные линии в тексте начинаются как рассказы о совершенно разных, непересекающихся мирах. В одном из них есть бездомный, с его воспоминаниями о детстве, первой любви, наркотиках, заключении. В другой — равнодушная, но запутавшаяся волонтерка социального проекта, помогающего бездомным. Постепенно мы глубже погружаемся в особый закрытый мир бездомности, а две параллельные истории сходятся в одной точке. Встреча приводит к сложным, болезненным созависимым отношениям двух людей, один из которых живет буквально в аду, а другой хочет его из ада вытащить, и уже сам не знает, для чего — чтобы побороть собственные тревоги, что-то доказать себе или завоевать доверие и любовь.

Это очень тяжелая и правдивая книга, и в ней много деталей и сцен, которые едва ли могут обрадовать. Она прямо и открыто говорит — да, может быть вот так. Бездомный может быть не просто бездомным, а еще и ВИЧ-инфицированным наркозависимым бисексуалом, занимающимся уличной проституцией, — разве можно найти кого-то более отверженного? Бездомный может быть совсем не рад помощи, и с удовольствием будет манипулировать тем, кто протянул ему руку — пока снова не почувствует себя брошенным. Волонтер может с нездоровым рвением решать миллион проблем никому не нужного человека не из милосердных добрых побуждений, а потому, что

остро нуждается в том, чтобы чувствовать себя нужным. Книга знакомит и с теневой стороной этой благообразной помощи — скажем, что многие благотворительные организации изнутри выстроены едва ли не как авторитарные секты. Но даже это лучше зловещих работных домов, которые под предлогом помощи бездомным захватывают их в рабство.

Думаю, неслучайно в этой книге будто бы само собой оказывается так много разговоров о боге и религии — бездомность обнажает главные вопросы жизни и смерти острее, и еще неизвестно, кто тверже убежден в своем понимании веры и служения, бездомный или волонтер, который ему помогает. У книги открытый финал — мы так наверняка и не узнаем, действительно ли Женя смог вылечиться от болезней и зависимостей и вернуться к «чистой» жизни, а Ксения смогла справиться со своими непростыми переживаниями и обрести внутреннюю гармонию. Но это не так важно, потому что главную цель книга уже достигла. Вы вдруг понимаете, что ее герой, тонко чувствующий, взбалмошный, жизнелюбивый и отчаянный — один из тех самых сумрачных дурно пахнущих «бомжей» на московских вокзалах. И я уверен, что после этого вы будете смотреть на них немного иначе.

Владимир Шведов,
заместитель главного редактора портала
«Такие дела».

Там, на периметре

6

Порой такие трагические типчики, недополучившие тепла и понимания в юности, обладали весьма привлекательной внешностью. Они просто излучали чувствительность: большие, мечтательные глаза, исполненные любви; крупный, вызывающий к нежной заботе юношеский рот; дерзко встрепанные ветром школярские волосы. И при этом столь бедные и столь одинокие в своих дорогуших, краденых или купленных на прикарманенные деньги одеждах: просто сошедшие с рекламной картинки, с прилагающимся номером счёта: *Сделайте Что-Нибудь Для Нас*. Ты не знал, что такие проблемные мальчики были просто-напросто убийцами, или, вообще говоря, ты это знал: покуда вертится Земля, люди поклоняются своему убийце. Между тем я всё-таки заинтересовался этим психически неустойчивым мальчиком, который от нечего делать взял да и въехал в автомо-

биль Жан-Люка. Не должен ли он быть подвергнут медленной пытке, терзаниям определённых частей его юного тела, желательно — до самой смерти, ибо в противном случае он мог бы через какой-нибудь юридический коллектив потребовать с меня компенсацию за причинённый ущерб. Мне бы понадобился мотивированный сотрудник, но кто? О, милый Жан-Люк, дай ему ощутить, сколь ты жесток. Но внезапно, когда я уже готов был взять в руку свою орудие любви, любовная сказка моя развалилась: не мог Жан-Люк ни в чём участвовать; ведь Жан-Люк был мёртв?

(это цитата из Герарда Реве)

Теперь можно начинать.

1

8

Во-первых, здравствуйте. Меня зовут Евгений Александрович. Какое сегодня число у нас? Точное время: не видать, ну и хуй с ним. Моя история, скорее всего, начнётся с начала.

Моя мама цыганка, а отец русский. Они родили двоих мальчиков. Близнецы. Одного мальчика оставили, а от другого отказались. Зима, снегопад — напиши, как она под снегом выходит из роддома. Назвала меня Арсеном. Жесть, да? Ты только так не называй. Я жил сначала в Доме малютки, в три года меня усыновили приёмные родители. Поменяли год рождения, имя-отчество, так за ними и таскаю.

Они со мной мучились. Я убегал из дома, ходил под себя. У нас был такой длинный тёмный коридор, я его боялся. Особенно когда поночуге посмотришь с сестрой фильм. У меня сестра была, да, Ира её звали — это их родная дочка. Однажды мы с мамой до-

говорились, что, если я не обосрюсь, она купит мне большой airplane — самолёт такой игрушечный. А мы как раз смотрели с Иринкой «Терминатора», он тогда только вышел. Где он глаз себе выковыривал и всё такое. В общем, я своё слово не сдержал. Хотя я же мелкий был. В колготках ходил. И рубашка у меня была дебильная, в клеточку.

Учился я плохо. Порой мы по полночи сидели, заучивали один стих. Мама уставала: всё уже разжевали — Джоник, ты только проглоти это. А я не мог проглотить. В итоге сначала так слегка — ладошкой — меня пиздили, то есть били, потом ремешком, потом мама стала говорить «я сейчас тапку сниму». У тапки есть небольшой каблук. По башке меня били каблуком, вбивали, так сказать, учили уму-разуму. Они думали, до меня так быстрее дойдёт. Я сбегал из дома, потому что боялся ремня. Я боялся возвращаться, потому что меня за это наказывали. Но я не тупой, пятёрки я тоже получал. Нам вместо пятёрок давали звёздочки: когда я приносил их домой, родители радовались. Покупали мне сладости. Я всегда сладкое любил, полезно для печени.

Заикаться я тоже, кстати, начал, когда жил с ними. Сестрёнка меня однажды напугала. В коридоре, который длинный, стоял сервант — это шкаф такой, с пола до потолка. Она встала там. И вот я иду по коридору, а она как из серванта вылетит. Мама готови-

ла — я даже как сейчас помню, в лифчике и в юбке стояла, только пришла с работы. Я испугался — и под её юбку залез. Это я маленький был, не понимал ничего, что там, под юбками. А сестра смеётся. Ну, мамка, естественно, отругала — и после этого я заикался долго. Сейчас-то я только от удивления, хорошо, что хоть когда пою, не заикаюсь.

10 Моя первая кража тоже была в детском саду. Я украл, правда, не знаю зачем, батарейку и губную помаду. У воспитательницы. Меня отлупили за это, какое-то время я не выходил на улицу. Сильно били, мама потом йодом мазала. В угол ещё ставили. Отец приходил, делал свои дела, звал меня в комнату — и ждал с ремнём. Наклонял меня промеж ног, снимал штаны и по голой заднице стучал, по спине. Потом до прихода мамы я стоял в углу. Иногда они меня отправляли к её маме — Валеи звали, мне она, получается, бабушка. Бабушка Валя, дедушка Ваня. Я и от них сбегал. Они меня учили подметать, дома убираться, полоть что-то там, а я работать не любил. Жил в поле: такой там был большой пустырь, оттуда церковь видно, в церкви тоже жил. Лазал по дачам, воровал там по мелочи: кушать-то хотелось. Они меня всегда искали, пока соседи не поймают и не приведут или милиция. Дедушка даже... нервничал. Потом попал. Попал в больницу. Короче, умер из-за меня.

1.1

Не знаю, я начала давно, я не помню уже, почему начала. На волне гражданской сознательности, наверное. Это было модненько, делать активизм. А я тогда как раз тусила с леваками: они все модники. Теория малых дел — я прочитала где-то: «Тысяча умрёт, а один вылезет — а если вам единственная жизнь не кажется важной, то представьте, что речь идёт о вашей». Ого, подумала я. Справедливость и приключения, как можно пройти мимо. Не вечно же воровать в магазинах сникерсы и ходить на митинги: людям свойственен рост, тем более в вопросах борьбы. Оставалось выбрать, где работать. С детьми я сходилась тяжело, паллиативная помощь была мне пока не по зубам, в ментальных девиациях я не разбиралась, потому что моё образование было очень скудным и касалось в основном таких далёких от жизни вопросов. Я выбирала бережно, делала даже листочки с расчётами: вот на это мне хватит сил, на это — пожалуй, нет. Тут нужны специальные знания, тут не возьмут без опыта. Короче, готовилась я грамотно. Но только это почему-то не помогло. В итоге я выбрала проект, который совмещал в себе все проблемы, про которые я, когда только они были мной же разобраны по отдельности друг от друга, пони-

мала: я не умею с этим работать, я об этом не знаю и я не справлюсь.

У меня, в общем, не было ничего, что требует социальная работа. Были только нежное сердечко и небольшой опыт ухода за уличными собаками. С таким богатым портфолио я в принципе могла что-то ловить только среди самых малозащищённых групп: там, где никто не следит за помощниками и где извечно пасутся секты и такие вот одинокие альтруисты, вроде меня и моих — пока что ещё будущих — коллег. Жаль, что никто не объяснил мне всех этих вещей. Хотя кто его знает: я-то знаю только себя и могу предположить, что если бы случилось чудо и кто-то стал предупреждать меня о проблемах, с которыми я скоро встречусь, и взывать к моей ответственности, то не был бы услышан. Я подсела на идею, адреналинчик пошёл — пути назад не было. Этому городу был нужен герой.

Я пришла в НКО, которая занималась в Москве проблемами бездомных. Меня удивило, что не нужно будет никакой специальной подготовки и что меня выпускают в поле сразу, в тот же день, когда я заехала познакомиться. Тогда ещё как раз было что-то связанное с блинами — очень миленько. Блины спасли мой первый выезд на вокзал: если было не о чем поговорить, то можно было поговорить о блинах. Кто-то из бездомных рассказывал, что рос на

Урале и мама пекла там по случаю шанежки: это такие ржаные сладкие штуки, что-то между коржиком, пирожком и олажкой. Мне казалось, что тема дома, мамы и выпечки на улице табуирована, что о таких вещах нельзя заводить разговоры, а то дело кончится то ли дракой, то ли слезами. На деле, о чём можно или нельзя говорить с каждым человеком, приходилось выяснять по факту. К этому сложно быть готовым: ну разве что в том смысле, что не нужно быть бревном — это подстраховывает от ошибок. У бездомного с шанежками был огромный, сломанный в нескольких местах нос, похожий на грозовое облако. Переносица шла сперва влево, потом резко вниз и снова на сторону. Нос распух и занимал всё лицо.

13

Где-то месяц я правда чувствовала себя модной, а свою работу — важной. Потом я начала чувствовать злость. Потом не чувствовала уже ничего. Это так-то называют выгоранием, но есть такие вещи, названия которых тебя не волнуют, пока ты с ними не столкнёшься. Я ничего не знала о выгорании и думала, что я просто слабый человек. Что я поработаю ещё немного и стану сильнее.

В начале всех делишек я пыталась подружиться с коллегами; но было сложно. Они почти все чудилы, такие аутсайдеры — тех, кто мог бы не только работать, но и говорить хоть что-то внятное о том,

что только что делал, почти не было. Весь ивент был от своих и для своих. Не только потому, что мы экономили на пиарщике — организация просто была на это ориентирована. Очень закрытое сообщество, прохладное к новым людям: тусовка. Иногда мне казалось, что самое важное для проекта — это не судьбы клиентов, а то, что требующая постоянного физического и нравственного напряжения работа объединяет, развивает и оздоравливает людей, которые ей занимаются. Общение с бездомными становилось такой коллективной терапией. Челленджер. Ну, или таинством, вообще община была религиозной.

- 14 Проект социальной поддержки, который осуществляется по секрету и по наитию и никем нормально не курируется, обычно аккумулирует участников, которым неплохо бы решить свои проблемесы перед тем, как решать чужие. Когда от тебя зависят жизни людей, ты чувствуешь себя важным. Не пробуксовать на быстром выводе, что они правда от тебя зависят, сложно. Социальный проект становится проектом самореализации. Вроде как способом сказать «я есть». И это дорога в ад.

Работа получалась тяжёлой и грустной. Нужно было найти общий язык с бездомными, разобраться в вагонах юридических тонкостей и медицинских рекомендаций, привыкнуть к коллегам и выбрать

способ продуктивно работать внутри довольно бардачной организации. Там всё время что-то разлаживалось и расклеивалось. Потенциальная угроза закрытия доводила администрацию до ручки. Срастаясь с ней, вился повсюду вопрос о том, как всё сделать так, чтобы никому не навредить. Локальная история бездомного — тёмный материал, и сегодня ты скажешь что-то лишнее, а завтра кого-то не станет на свете. Разрешать эти муки каждый раз заново, выбирая, о чём тебе можно говорить, а о чём — нет, было нереально. Люди переставали говорить совсем. Это было одним из тех верных решений, которые ничего не решают.

Нам нельзя было называть адреса, по которым мы собирались, время раздач. Нельзя было упоминать общину, когда мы по каким-то спорным вопросам общались с журналистами. Летом было такое: перед Фифой казаки ходили по вокзалам и разгоняли бездомных. Бездомные называли их «зелёными человечками»: они носили болотную форму, похожую на военную, — без опознавательных знаков, без нашивок. Полиция их тоже стремалась, в общем, мы все стремались. Наши клиенты были сами не свои, даже те, кто выглядел неплохо, но жил без документов, маялись и очень просили пристроить их куда-нибудь, пока всё это не кончится. Мы в пене и в мыле пристраивали, это непросто, в Москве приютов мало,